

© 2001 г. А И ФАЛИЛЕЕВ

ЯЗЫК СРЕДНЕВЕКОВОГО ВАЛЛИЙСКОГО ПРАВА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ОБЩЕКЕЛЬТСКОЙ И ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ*

Интерес к языку ранних юридических памятников, проявляемый исследователями различных индоевропейских традиций, имеет прежде всего два аспекта. С одной стороны, «любой из памятников древнего и средневекового права – от Судебника Хаммураби и законов Хеттского царства до французских Кутюмов и "Саксонского Зеркала" может служить образцом усилий известного или неизвестного кодификатора, вложенных им не только в дело систематизации правовых норм, содержащихся в народном обычае, но и обработку языкового материала» [Десницкая 1982: 159]. Внимание, таким образом, фокусируется на вопросах изучения закономерностей формирования и развития собственно литературного языка – ведь на раннем этапе "язык права не был изолированным специальным языком, обслуживающим небольшую группу людей, более того, он составлял весьма важную сферу общественной жизни" [Гроссе 1963: 176]. Значительные результаты этого аспекта изучения языка ранних правовых трактатов были достигнуты, в частности, в русистике – см., например, исследования языка "Русской правды" в контексте истории русского литературного языка старшего периода (С. П. Обнорский, Б. А. Ларин, М. А. Селищев и др.).

Другой аспект изучения ранних правовых текстов носит ретроспективный исторический характер и охватывает самый широкий круг вопросов – от текстологии и диалектологии до сравнительно-исторического изучения терминологии, формул и т. д., что, в свою очередь, часто приводит к реконструкции индоевропейских правовых древностей на вербальном уровне. Нередко в текстах ранних законов фиксируются лексемы и целые последовательности лексем (и не только относящиеся к собственно юридическому слою), которые не встречаются в других памятниках языка.

В кельтской филологии ретроспективный аспект изучения текстов ранних законов преимущественно разрабатывается на ирландском материале в связи с большим объемом памятников и их весьма архаичным характером, см. [Kelly 1988]. Другой крупнейший корпус ранних кельтских юридических документов был создан на (средне) валлийском языке, уступая и по объему, и по древности раннему ирландскому материалу, тексты средневековых валлийских законов, тем не менее, представляют значительный интерес как для бриттской и общекельтской, так и для индоевропейской реконструкции.

Средневековые валлийские законы связаны с именем принца Хауэла Доброго (Hywel Dda), который правил большей частью Уэльса в первой половине X века. Согласно прологам ко всем трем полным редакциям законов (о чем см. ниже), "Хауэл сын Каделла, принц всего Уэльса, призвал к себе в Ти Гвин, что на реке Тав шесть человек из каждого кантрева Уэльса, и были то люди мудрейшие () И общим советом и согласием мудрых, что пришли туда, пересмотрели старые законы и некоторым из них позволили продолжаться, и другие поправили, и некоторые совсем запретили,

* Настоящая работа выполнена в рамках проекта *Thesaurus Indo-Europeanus* (руководитель – член-корреспондент РАН Н. Н. Казанский) при поддержке гранта РГНФ № 98-04-30008 а/1

а другие составили вновь" (Юг. 1. 1–3; 10–13). Уже почти тысячу лет законы средневекового Уэльса известны под названием "Законы Хауэла" (валл. *Syfraith Hywel*, лат. *Lex / Leges Hoeli*). Вполне резонно возникает вопрос: а не является ли ссылка на принца Хауэла очередной мифологемой, сходной с историей о благословении Св. Патриком текстов ранних ирландских законов, содержащейся в так называемом "псевдоисторическом прологе" к собранию трактатов *Senchas Már*? Действительно, попытки увидеть в этих прологах к текстам валлийских законов политическую мифологию, созданную в XII в., встречаются и сейчас, однако большинство современных специалистов по истории валлийского законодательства все же связывают становление валлийских юридических трактатов с именем Хауэла, см. [Jenkins 1990: xiii – xvii; Jenkins 1997: 349–50].

До сегодняшнего дня сохранилось около сорока рукописей, содержащих "Закон Хауэла", которые были записаны в период XIII–XVI вв. Шесть из них – на латыни, остальные – на средневаллийском. Со времен Анейрина Оуэна, издателя средневековых валлийских юридических трактатов [Owen 1841], общепринятым является распределение средневаллийских текстов "Закона Хауэла" на три группы, восходящих к так называемым "трем редакциям". В современной традиции эти три редакции носят названия "Книга Кивнерфа" (*Llyfr Cyfnerth*), "Книга Блегиурида" (*Llyfr Bleguwyrd*) и "Книга Иоруерта" (*Llyfr Iorweth*). Некоторые (более поздние) рукописи не попадают, собственно говоря, ни в одну из них или занимают промежуточное положение. За последние сорок лет была проведена огромная текстологическая работа, которая позволила установить систему взаимоотношения как между отдельными рукописями, так и между редакциями, см. [Jenkins 1997]. На сегодняшний день общепринятой является следующая хронологическая последовательность редакций: "Книга Кивнерфа", сокр. *Cyfn*. [Wade-Evans 1909]; "Книга Блегиурида", сокр. *Bleg*. [Williams, Powell 1961] и "Книга Иоруерта", сокр. *Ior*. [Wiliam 1960].

Как отмечал более полувека назад Т. Парри-Уильямс [Parry-Williams 1928: 139–140], "в основном, большинство лингвистических черт ранних валлийских версий законов сходны с особенностями языка средневаллийской прозы". Действительно, язык текстов средневековых валлийских законов совершенно закономерно рассматривается в качестве одного из важнейших источников становления и существования средневаллийского языка (XII – конец XIV в.). Более детальная периодизация этого хронологического отрезка (раннесредневаллийский – до середины XIII в. и познесредневаллийский – с середины XIII в., см. [Evans 1970: xviii – xix]) основывается, в том числе, и на лингвистических особенностях средневековых валлийских рукописей законов; таким образом, язык самых ранних текстов законов традиционно рассматривается вместе с лингвистическими данными древнейшей валлийской художественной прозы ("Килхух и Олуен"), и, что немаловажно, с крайне архаичным (и, очень часто, намеренно архаизированным) языком так называемой "не столь ранней поэзии" (период ранних *Gogynfeirdd*), который, в свою очередь, является в определенной степени переходным от до-средневаллийского (древневаллийского и архаического валлийского, см. [Калыгин, Королев 1989: 208–212]) к собственно средневаллийскому.

Даже если, следуя традиции, признать участие принца Хауэла в формировании основы средневековых валлийских законов реальностью, то, на первый взгляд, мы имеем возможность соотнести лингвистические данные этих текстов только с серединой X века. Однако, как заметил Д. Бинчи, "валлийские юридические трактаты, несмотря на их очевидно позднюю запись (*modernity*), содержат архаический слой, который можно иногда выделить с помощью соответствующих ирландских текстов" [Binchy 1959: 17]. Один из этих слоев, как справедливо полагает этот виднейший исследователь языка кельтского права, являет поразительные совпадения в юридической терминологии валлийской и ирландской традиции. Действительно, на первый взгляд казалось бы, что включение кельтской Британии в орбиту Римского мира с весьма развитой системой законодательства не могло не повлечь привнесения большого числа латинских заимствований в валлийскую юридическую терминологию.

«Напротив, – отмечает Д. Бинчи, – их поразительно мало. Такие термины, как "суд, судья, иск, преследование, наказание, договор, поручительство, кредитор, должник, адвокат, доказательство, приговор" и т.д. – все они, между прочим, были заимствованы в язык английского закона из франко-норманского – представлены в валлийском (и ирландском) исконными словами» [Там же: 18]. С одной стороны, это наблюдение позволяет поставить вопрос о степени романизации (стратах романизации?) Римской Британии. С другой стороны, сохранение этих терминов (а многие из них находят параллели и в других языках) представляет существенный интерес и для общекельтской, и для индоевропейской реконструкции.

Так, например, встречающийся в средневековых валлийских юридических трактатах термин *detyf, detef* (совр. валл. *deddf*) 'закон, обычай' находит точную параллель в ирландском галаксе *deidme (cacha deidme a díchur* "every ordinance can be set aside", букв. "каждого закона его отложение"). Сопоставление этих форм предполагает общекельтский номинатив **dedm-*, который соответствует греческому *θεσμός* (дор. *τεθμός*). Несмотря на определенные трудности дальнейшей реконструкции, ср., например [Бенвенист 1995: 300 и сл.; Chantaine 1977: 432], эта архаичная лексема представляет значительный интерес как с точки зрения ареального ее распространения, так и с точки зрения развития семантики. Действительно, в средневековых валлийских текстах соответствующая форма может использоваться в значениях 'закон, законодательный акт; статут; обычай; обряд; религия', см. [GPC: 912]. В ирландском же это архаическое слово было вытеснено заимствованиями (напр. *rechtge* : лат. *rectus*), или новообразованиями (*noës* : глагол *noïd* 'делать известным, провозглашать').

Интереснейшее ср.-валл. *amod* 'соглашение, stipulatio'¹ восходит к сочетанию предлога и глагольного имени глагола 'быть'. С точки зрения Д. Бинчи [Binchy 1959: 18–19], эта форма находит параллель в ирл. формульном *ben imtha* "betrothed wife", букв. "женщина соглашения". Вторая часть этой ирландской юридической формулы *imtha* – является абсолютным семантическим аналогом валлийского термина (при стандартном использовании в ирландских законах *cor* или *cor hél* в значении 'контракт, соглашение'). Более того, Д. Бинчи указал на возможность рассматривать соответствующие глагольные формы *im-tá* (традиционно переводимые "so is, even so"), особенно в текстах законов, как относящиеся к этой же модели и обозначающие 'accords, agrees'.

Таким образом, язык валлийской юридической терминологии часто может быть весьма важным подспорьем для анализа соответствующих ирландских фрагментов и служить немаловажным источником для общекельтской реконструкции. Конечно, возможен и необходимый и обратный процесс – использование ирландских данных для уточнения соответствующих "темных мест" валлийских законов, см., например, предложенный Д. Бинчи в другом месте [Binchy 1956: 228–229] анализ валлийского *tah anwar* "сын не выполняющий завещание отца" (Ior. 45.14) с учетом ирландского *macc gor* "сын, заботящийся (о пожилom и/или недееспособном отце)" и его антонима (с отрицательным префиксом) *macc ingor*, который, что немаловажно, этимологически тождествен валлийскому выражению. Некоторые вопросы вызывает семантическая сторона этого любопытного сопоставления, а также его предыстория. Так, с точки зрения Бинчи [Там же: 228], валлийская формула – это "слабое эхо" первоначального значения, представленного полностью в ирландском. Однако П. Шрайвер, вслед за У. Каугиллом, поставил под сомнение этимологию ирл. (*in*)gor, сопоставленного Д. Бинчи с и.-е. корнем **g^her-* 'тепло' [IEW: 493–5], и реконструирует омонимичный

¹ Ср. Ior. 69. 29–30 *amuot a tyr dedef. Ket gunelher amuot en erbyn keureyth, dyr yu e kadu* "амод нарушает (может нарушать) закон. Хотя амод сделан против закона, необходимо соблюдать его", отмечу здесь сосуществование в одном фрагменте двух слов – *dedef* и *deureyth* – в качестве родового термина 'закон'; об этих и других терминах см. подробно [Jenkins 1981: 323–348].

корень **g^{nh}er-* со значением 'возмещать, стоить' ('compensate, to be worth') на основании кельтских и германских (ср. совр. англ. *worth*) данных. При этом, как отмечает П. Шрайвер, соотнесение этого корня с индоевропейской древностью не обязательно [Schrijver 1996: 199–202]. В отношении же первого компонента этого термина (валл. *map*/ирл. *mac*) можно заметить, что несмотря на этимологическую прозрачность кельтских слов, обозначающих "сына", его использование в некоторых формульных сочетаниях в кельтских языках ведет к многозначной интерпретации. см. [Falileyev 1998]. Исходя из новой этимологии, предложенной для второго компонента этого термина, как отмечает Шрайвер, можно уточнить и семантический аспект валлийской формы. Если незафиксированное в валлийском **mah gwar* должно быть синонимично ирландскому *macc gor*, то введение в систему права завещания автоматически предполагает, что "сын, заботящийся (о пожилom и/или недееспособном отце)" должен заботиться и о соблюдении его посмертной воли [Schrijver 1996: 198, сноска 7].

Подобное "взаимодополнение" ирландского материала валлийским и *vice versa*, конечно, не ограничивается лишь лингвистическим уровнем анализа. Без сопоставления соответствующих фрагментов этих двух юридических традиций, которые, в основном, восходят к общему источнику, достаточно сложно (а подчас и невозможно) понять целые разделы законов, а следовательно, и стоящую за ними историческую реальность. Так, например, ранние ирландские законы лишь упоминают совместную обработку земли (*comar*), не вдаваясь в какие-либо более или менее подробные комментарии. В тоже самое время средневековые валлийские юридические трактаты не только сохранили этимологически тождественный термин (*cyfar*), но и содержат целые тексты, посвященные этому важнейшему аспекту сельскохозяйственной деятельности (см., например, Ior. 152). Примером обратной связи может послужить валл. *dadannudd* – юридический акт претензии на землю, который остается в рамках валлийских источников достаточно неразработанным, и ключом к пониманию этой валлийской реальности является его ирландское соответствие – *tellach* (см. библиографию в [Jenkins 1997: 355, сноска 7]).

С другой стороны, большой интерес представляют такие фрагменты ранних ирландских и средневековых валлийских законов, в которых описываются сходные (а нередко и тождественные) юридические процедуры и/или исторические реалии. Подобные схождения интересны уже в плане выявления "первоначального" ядра средневаллийских юридических трактатов – ведь кроме того, что средневаллийские законы были записаны веками позднее ирландских, они испытали определенное влияние римского, а позднее и англосаксонского, равно как и канонического права. Любопытна в этой связи представленная в так называемой "Книге колонок" идея о трех системах закона (валл. *y tair cyfraith*, букв. "три закона") – римского права, канонического права и "Законов Хауэла" [Jenkins 1980: 258]. Вполне понятно, что эти фрагменты могут служить основанием для лингвистической реконструкции – как общекельтской, так и индоевропейской.

Действительно, многие термины, относящиеся к юридической сфере и устанавливаемые на уровне и.-е. праязыка, сохранились в ирландских и валлийских средневековых юридических трактатах. В качестве примера можно привести здесь рефлексy и.-е. **dhlgh-* 'Schuld, Verpflichtung' [IEW: 271]. Интерпретация взаимоотношения лексем, возводимых к этому сложному индоевропейскому корню, как известно, вызвала значительные расхождения во мнениях. Так, у Ю. Покорного, который находит его продолжения в кельтском (напр., др.-ирл. *dliged* "право, обязанность"), германском (только готск. *dulga*) и славянском (ср. др.-русск. *дѣлгѣ*). этот корень постулируется для индоевропейского [IEW: 271–272]. Согласно Э. Бенвенисту, "готское *dulgs* не германское слово, а кельтское заимствование" [Бенвенист 1995: 136]; другие авторы считают его, впрочем, заимствованием из славянского, и это мнение подкрепляется аргументами, по преимуществу, экстралингвистического характера, см. [ЭССЯ: 180, библиография]. Однако родство кельтских, германской и славянских форм все-таки

принимается многими исследователями, хотя индоевропейская мотивация этого этимона может быть и оспорена, ср., в этой связи, соотношение этих форм с индоиранским ритуально-правовым термином (иранск. **drang-* "виновность, ответственность", см. [Иванов, Гамкрелидзе 1984: 808]), или гипотезу о родстве славянских соответствий с прилагательным **dblgъ* "долгий, длинный" ("в понятие долга включался срок" [ЭССЯ: 180, 208–209]). Что же касается "мозаичности" этой изоглоссы [Калыгин, Королев 1989: 36], если рассматривать только кельто-германо-славянские данные, то практически идентичную дистрибуцию показывают рефлексy другого ритуального термина, приведенные Ю. Покорным в статье, посвященной и.-е. **koh-* [IEW: 610]. Теперь к представленным там др.-ирл. *coh* "победа", германским (ср. др.-исл. *happ* "удача") и славянским формам (напр., ст.-слав. *ковъ* 'тṓχῃ') можно добавить и валл. *cabl* 'calumny, blame, blasphemy', причем соотнесение общего для этих (и целого ряда других) слов этимона с индоевропейской древностью принято нецелесообразным и необязательным, см. [Falileyev, Isaac 1998].

Представляется уместным отметить некоторые особенности валлийских соответствий этих славянских и германской форм. В средневековых юридических трактатах соответствующий глагол используется в значениях 'должен, обязан' и 'имеет право', ср. лог. 7.15-16. *ef a dele e dyllat e penetyo e brenhyn endunt e Garawys. Ef a dely hot en wastat ydyt a'r brenhyn* "он имеет право на одежды, в которых король приносит покаяние на Пасху. Он обязан быть всегда вместе с королем". Примечательно, что в современном валлийском этот глагол используется только в имперфекте и плюсквамперфекте; он встречается только в единственной синтаксической конструкции в значении 'должен', ср. *fe ddylai wybod* "он должен знать" [Evans 1970: 152]. Эта семантическая амбивалентность может проявляться и при изложении сходных фрагментов в различных рукописях и редакциях, см. примеры в [Jenkins 1990: 263]. Абстрактное существительное *dylyed* сходным образом имеет два значения в средневаллийских юридических текстах – 'долг, обязанность' и 'право', в то время как в современном валлийском это слово используется только в первом значении.

Стоит обратить внимание и на семантику других производных от этого глагола. Так, прилагательное *dyledog* обозначает в средневаллийских текстах, как прозаических, так и поэтических, понятие 'благородный, привилегированный', т.е. *'имеющий (большие) права'; в более позднюю эпоху это слово находим и в значении 'находящийся в долгу, должный', а с начала прошлого века (субстантивировано) – 'должник' [GPC: 1136]. Существительное же *dylyawdwr*, используемое в средневаллийских правовых текстах, означает, в сущности, 'кредитора', собственно 'имеющий право (на оплату)'. В этой связи можно привести показательный фрагмент из "Книги Блегиурида", Bleg. 39. 2–7 *or hyd rwg talawdyr a'r dylyawdyr dyd gossodedic y talu y dylyet, ef a dyly arhos y dyd* "если между должником и кредитором (*dylyawdyr*) определенный день, в который он должен заплатить долг (*dylyet*), он имеет право (или 'должен', *dyly*) ждать до этого дня". В семантическом плане любопытны также и замены соответствующего глагола прилагательным *iawn* 'надлежащий, справедливый'. Как отметил в этой связи Д. Дженкинз, "то что справедливо / надлежит (*iawn*) человеку, это то, на что он имеет право, или то, что он должен, обязан; иногда невозможно сделать выбор между этими двумя значениями, которые, впрочем, могут и сосуществовать" [Jenkins 1990: 340]. Это наблюдение перекликается с выводами по поводу предыстории родственного слова в ирландском. Как отмечается, "ирландский термин отражает архаичную нерасчлененность понятий права и закона в том смысле, что *dliged* предполагает следование некоему установлению (ср. *dliged* в значении 'авторитетное суждение, норма, правило') безотносительно к тому, что дает или получает в конечном счете субъект" [Калыгин, Королев 1989: 37]. Типологически схожая амбивалентность проявляется и в некоторых других средневаллийских терминах. Так, прилагательное *cylys* 'виновный, виноватый' используется как в собственно

юридических контекстах, так для обозначения чисто этического понятия, в то время как соответствующее существительное *cwl* имеет только второе значение, см. [Фалилеев 1998: 88–90].

Вероятно, менее архаичны те термины, которые зафиксированы только в германском и кельтском (см. ниже). Особый интерес, однако, представляют собственно сепаратные ирландско-валлийские изоглоссы, которые позволяют приблизиться к реконструкции общекельтского праязыка и протокультуры. В качестве примера можно привести любопытное сходжение между др.-ирл. *athgabál* и ср.-валл. *adauayl* (совр. валл. *adafael, atafael*) ‘завладение имуществом в обеспечение выполнения обязательства’. Сюда же относится др.-брет. *adgabaël*, глоссирующее лат. *ocupanda* в *Collatio Canonum* [Fleuriot 1964: 54]. Как было отмечено в [Binchy 1973: 27; Kelly 1988: 231–232], эти формы предполагают общекельтское **ategabaglā* и, возможно, указывают на возможность существования сходных процедур в период общекельтского единства. Не менее интересны и юридические формулы, сохранившиеся в нескольких бриттских языках. Так, средневаллийский юридический термин *wynepwerth* (ср. также *wynepwarth*) ‘компенсация за оскорбление’ (Ior. 19.10; 50.12), см. о нем [Jenkins, Owen 1980: 220; Jenkins 1990: 392–393], представляет собой дословно соположение ‘лицо – стоимость’. От него нельзя отделить соответствующие бретонские формы – др.-брет. *epner uuert* (Картуларий из Редона), *epner guerth* (gl. *ditione, recte dotatione*, Картуларий из Ландевеннек) и ср.-брет. *epnebarz* [Fleuriot 1964: 160]. Сопоставление валлийского и бретонского материала предполагает наличие общебриттского термина, см. [Namp 1974: 261–270], ср. [Schrijver 1996: 201], который в свою очередь, можно сопоставить с синонимичным ирл. *lóg n-envech* [Kelly 1988: 125–126].

Несомненный интерес вызывают и юридические формулы, очень часто представляющие собой весьма архаичные формы, выходящие за хронологические рамки средневаллийского языка. Так, отмеченное Т. Парри-Уильямсом [Parry-Williams 1928: 147] *telhitor gwedy halawc llw* ‘оплачивается после ложной клятвы’ (Bleg. 86. 25) интересно не только из-за сохранения архаичного окончания безличной глагольной формы настоящего-будущего времени *-itor*, ср. др.-валл. *cephitor* ‘получается’ при стандартном ср.-валл. *-ir*, об этих формах см. [Evans 1970: 120–121]. Этот фрагмент, безусловно, можно рассматривать как некоторую юридическую формулу, на что указывает и ее контекстуальное функционирование, ср., напр., *a'r gyfreith honno a elwir "telhitor gwedy halawc llw"* (Bleg. 86. 24–5) ‘и этот закон называется “оплачивается после ложной клятвы”’. Петрифицированный архаизм глагольной формы, который, между прочим, указывает на возможность наличия до-средневаллийского (письменного) источника, уже выносит этот фрагмент за рамки истории этого периода валлийского языка. На формульность модели указывает и интересное *halawc llw* ‘ложная клятва’. Средневаллийское прилагательное *halawc* (совр. валл. *halog*) определяется Университетским словарем валлийского языка [GPC: 1816] как ‘dirty, soiled, defiled, unclean, profane, corrupt’ и находит точное соответствие в др.-брет. *haloc* gl. *lugubri* [Fleuriot 1964: 206] и ирл. *salach* gl. *sordidus* [LEIA: S-16], из и.-е. **sal-** ‘schmutzigrau’ [IEW: 879].

Этимологические параллели к ср.-валл. *llw, llu* (совр. валл. *llw*) ‘клятва’ засвидетельствованы в других ранних кельтских языках, ср. др.-брет. *dilu* gl. *detestantur*, совр. брет. *le* ‘serment, juron’ [Fleuriot 1964: 142, 247]; др.-ирл. *lugae, lu(i)g(h)e* из и.-е. **leugh-, lugh-* ‘Eid, Schwur’ [IEW: 687; GPC: 2233]. Согласно одной из гипотез, выдвинутой Г. Вагнером и разрабатываемой Э. Хэмпом и Дж.Т. Куком, рефлекс этого индоевропейского корня (общекельтск. **lugiom*) наблюдается и в теониме *Луг*, который, таким образом, рассматривается как кельтский бог клятвы, что, между прочим, позволяет по-новому проинтерпретировать соответствующий фрагмент галльской таблички из Шамальер. Из других индоевропейских языков рефлекс этого корня зафиксированы только в германском, ср. готск. *liugan* и другие формы, приведен-

ные Ю. Покорным. Вероятно, это схождение можно рассматривать как сепаратную кельто-германскую изоглоссу, что, между прочим, ставит вопрос об индоевропейской древности этого корня. Исходя из положения о том, что "все правовые термины [являющиеся сепаратными кельто-германскими изоглоссами] созданы путем переосмысления общиндоевропейских слов" [Порциг 1964: 181], и принимая во внимание разнообразие мотивировок в номинации акта клятвы в различных и.-е. языках [Бенвенист 1995: 309], вероятно, стоит поставить вопрос о производности этого термина в кельтском и германском. Одним из возможных решений этой проблемы могло бы быть привлечение части материала, собранного Ю. Покорным в статье, посвященной и.-е. **leugh-* (1) 'lügen' [IEW: 686], с уточнением семантического аспекта этого сопоставления.

Возвращаясь к рассматриваемой формуле *halawc lw* 'ложная клятва', стоит отметить, что уже сам порядок следования элементов весьма примечателен. Вместо ожидаемого и традиционного "определяемое" – "определяющее", как, например, в синонимичном *llv cam* (Ior. 59. 7), где *cam* – 'искривленный, неправильный' из и.-е. *(s)*kamb-* 'krummen, biegen' [IEW: 918; GPC: 396], составляющие в этой формуле следуют в обратном порядке. Возможность препозиции прилагательного определяемому существительному в (средне)валлийском языке ограничена двумя случаями. С одной стороны, несколько прилагательных (напр. *prif* 'главный', *hen* 'старый') преимущественно предшествуют определяемому существительному, и этот порядок слов не является маркированным. С другой стороны, любое прилагательное может предшествовать существительному, составляя с ним сложное слово, "close" или "loose" compound в терминологии валлийской грамматики [Evans 1970: 37]. Именно это объяснение приложимо к рассматриваемому случаю. Как и *cam* (ср. в этой связи аналогичный порядок слов в ср.-валл. *tyngthu cam lywein* 'клясться ложными клятвами' в тексте, датированном 1346 годом; см. другие примеры в [GPC: 403]), так и *halawc* в подобных случаях целесообразно рассматривать именно как часть соответствующих сложных слов, при этом отсутствие основного определителя подобного статуса этой лексемы (обязательное ленирование начальной согласной второго элемента, равно как и дистантное написание составляющих) можно проигнорировать, принимая в расчет неустоявшуюся орфографическую норму. Как и *cam*, валл. *halawc* иногда используется в качестве составляющего элемента сложных слов (и особенно в языке юридических документов, ср. интереснейшее ср.-валл. *halaucty* (напр., Ior. 112.14) 'дом человека, пойманного на воровстве', букв. "грязный дом"). Однако в отличие от случаев с *cam*, *halawc* в ранней валлийской юридической терминологии встречается преимущественно в препозиции, что, с учетом (впрочем, достаточно тривиального) семантического сдвига ('грязный' > 'ложный, незаконный'), предполагает явную терминологическую переориентацию соответствующих фрагментов.

Конечно, вряд ли приходится говорить об общекельтской, не говоря уже об индоевропейской, древности (на вербальном уровне) средневековой валлийской юридической формулы *telhitor gwedy halawc lw* 'оплачивается после ложной клятвы'. При этом, впрочем, не надо упускать из вида, что "лексические замены и изменения в культуре на протяжении тысячелетий могут оставить лишь семантическую структуру первоначальной конструкции" [Watkins 1979: 182]. Однако в любом случае этот и подобные фрагменты явно выходят за рамки средневаллийского языка, что, между прочим, позволяет сделать и некоторые выводы экстралингвистического характера.

Уже было неоднократно замечено, что "при всей специфичности жанра юридических текстов в ряде важных отношений они очень сходны с текстами народной устной поэтической традиции (наличие параллельных конструкций, постоянных повторов, обилие формул, отчасти сходных с фольклорными, рифмообразные элементы, анафоры и т.п.). Уже это сходство свидетельствует о единстве истоков юридических и фольклорных текстов, принадлежавших некогда к единой устно-поэтической сфере" [Иванов, Топоров 1981:10]. Особенно это очевидно в рамках другой кельтской

традиции – ирландской. Действительно, в программу обучения ирландских филидов входило и получение юридических знаний [Калыгин 1986: 22], а отказ от поэтической речи при судопроизводстве, по некоторым источникам, произошел достаточно поздно, ср., в связи с этим гипотезу Д. Бинчи о так называемой "поэтико-юридической школе" ("Nemed school"), которой принадлежит целый ряд юридических трактатов. В силу своей сравнительно меньшей архаичности, вследствие большей модернизации, средневековая валлийская традиция, на первый взгляд, не указывает на какое-либо сходство между должностями судьи и поэта при дворе принца; наоборот, обязанности и статус каждого строго регламентированы и разнесены в текстах законов. В исторической же перспективе и судья и поэт были, прежде всего, "людьми знания", ср. в этой связи возможность возведения валл. термина *ynad* 'судья' к корню **gna-* 'знать' [Jenkins, Owen 1980: 220–221]. Любопытно, что в рукописях, записанных в южном Уэльсе, где практически не было профессиональных судей, и в судах правосудие вершили землевладельцы, гораздо чаще фигурирует другой термин – *brawdwr*, производный от *brawd* 'суждение'; они "были судьями (ибо у них было суждение), но их не обучали закону" [Jenkins 1980: 393]. С другой стороны, сам лингвистический материал текстов средневаллийских юридических трактатов, равно как и его синтаксическая организация, несмотря на изобилие более поздних наслоений и правку средневекового редактора, указывает на тесные исторические связи между этими двумя видами словесного творчества. Об этом, в частности, свидетельствует и такой важнейший стилистический аспект языка средневаллийских законов, как его формульность.

Как отмечалось, «задача сохранения текста и его неизменного воспроизведения в эпоху "предправа" служила особому рода организации устного текста на семантико-композиционном уровне» [Иванов, Топоров 1978: 223]. С другой стороны, было установлено, что "основным принципом построения (ирландских) архаических генеалогий был принцип повторяемости, который охватывал все языковые уровни от фонетики до синтаксиса" [Калыгин 1986: 123]; это определение можно применить и к языку поэтических произведений эпохи валлийских "ранних поэтов" – Анейрина и Талиесина, равно как и для последующего периода развития средневековой валлийской поэзии. В применении к языку валлийских средневековых законов повторяемость именно на синтаксическом уровне кажется наиболее показательной, что, в свою очередь, находит разительные параллели в других ранних юридических традициях, ведь «основные и наиболее жесткие приемы мнемотехнического характера сосредоточены на синтаксическом уровне. Речь идет прежде всего о принципиальной установке на использовании одной (в крайнем случае – однородных) конструкции, которая "прошивает" весь текст, подчиняя себе все темы данного свода» [Иванов, Топоров 1978: 224].

Действительно, синтаксис текстов закона Хауэла достаточно монотонен и преимущественно ограничен несколькими моделями типа "если случится с X событие Y, то закон говорит.../ должно....", "не должно X делать Y (если)" или "если кто-либо (не) делает действие X, то должно". Безусловно больший интерес в плане мнемотехники и, вероятно, функционирования валлийского "предправа", представляет собой наличие в текстах законов так называемых триад. Сгруппированные тройками списки героев и мест, в средневековом Уэльсе (также, как и в Ирландии) эти триады были одним из основных способов каталогизации, сохранения и передачи ученой традиции. Рассеянные по многим рукописям, – а триады явно дидактического характера находятся не только в бардических трактатах, (псевдо)исторических сочинениях или ранней художественной литературе, но и в средневековых валлийских медицинских трактатах (см. издание средневековых валлийских триад [Bromwich 1978], – они весьма часто встречаются и в текстах законов. При этом нужно учитывать, что триады средневаллийских юридических трактатов представляют собой синтактико-стилистическую организацию вербализованного юридического знания и, по преимуществу, не выходят за его пределы.

Действительно, в изданиях различных редакций законов Хауэла встречаются целые страницы текста, организованные по триадному принципу (напр., *Ior.* pp. 22–23; 28–29;

Bleg. pp. 102–127). В основном, триады средневаллийских юридических текстов развернуты, что предполагает комментарий к одному, двум или каждому из трех составляющих ее компонентов. Однако нередко встречаются и отдельные некомментированные триады типа *Ior. 42.9–10 try peth ny dele y brenhyn e kyuran a nep: e svllt a'e hehauc a'e leydyr* 'три вещи, которые король не может ни с кем делить: свое богатство, и своего сокола, и своего вора'. Подавляющее большинство триад записаны на средневаллийском и в лингвистическом плане, собственно говоря, не выходят за рамки этого периода истории валлийского языка. Значительно больший интерес с точки зрения формирования корпуса средневековых валлийских законов представляют своеобразные "скрытые" сноски на триады, известные по другим источникам. Так, в сложном *Ior. 113 17–21*, определяющем наказание за похищение мяса, используется выражение *keheryn canastyr*, которое вызывает значительные сложности для интерпретации. Ср.-валл. *keheren (kyhyryn) canast(y)r* (в соответствующих латиноязычных фрагментах этому соответствует *frustum carnis centum eventorum*) традиционно интерпретируется как 'кусочек украденного мяса', букв. "кусочек мяса / мускул сотни рук" [GPC: 746], ср., однако, скептицизм Д. Дженкинза [Jenkins 1980: 282]; при этом имеется в виду, что вплоть до сотого человека, через руки которого прошло украденное мясо, каждый из них несет юридическую ответственность.

Уже этимологизация составляющих это выражение слов, несмотря на то, что они могут иметь достаточно точные параллели в других кельтских языках, вызывает немалые сложности. Так, валл. *cyhyr(y)n* 'мускул, сухожилие, кусочек мяса' [др.-корнск. *cheher* (gl. *pulpa*), ср.-брет. *kaher* 'мясо'] может и не восходить к *contra* [GPC: 746], и.е. **kom-ser-*, ср. [Campanile 1974: 25]. Валл. *canastr* вызывает еще большие сложности. Университетский словарь валлийского языка предлагает две возможности интерпретации этого слова [GPC: 408]. С одной стороны, в нем можно видеть сочетание числительного 'сто' и гапакса *astyр* 'рука'. С другой стороны, вслед за Лотом, второй элемент можно было бы сопоставить с др.-ирл. *astar* 'работа, путешествие', причем само это ирландское слово не имеет надежной этимологии, см. [LEIA: A–97]. Так или иначе, любая интерпретация составляющих это выражение элементов основывается, прежде всего, на анализе семантики всего словосочетания, что уже подразумевает его терминологический статус и достаточную древность. Немаловажно, что в так называемой "Книге Блегиурида" содержится триада (Bleg. 114. 23–27 *tri chehyryn canhastyr*), которая хотя и не объясняет рассматриваемый фрагмент из "Книги Иоруерта", но указывает на явно восходящий к до-средневаллийскому периоду возраст этого правового термина, уже сложившегося ко времени записи средневековых юридических трактатов.

Другой аспект использования валлийских юридических триад можно проиллюстрировать анализом следующего фрагмента из "Книги Иоруерта" (*Ior. 54.18–21*): "если случится так, что женщину увидят выходящей с одной стороны роши, а мужчину – с другой, или выходящими из пустого дома, либо покрытыми одной мантией, если они отрицают это, [необходима] присяга пятидесяти женщин для женщины и стольких же мужчин для мужчины". Перечисление трех этих условий указывает на возможность наличия собственно триады, и она действительно зафиксирована в "Книге Блегиурида" (*tri chadarn enllih gwreic* 'три серьезных обвинения женщины'). Любопытно, что эта триада (Bleg. 111. 24–28) имеет некоторое расхождение с текстом, предложенным в редакции "Книги Иоруерта": "три серьезных обвинения женщины суть: одно, когда увидят мужчину и женщину выходящими из одной роши, с разных сторон ее; второе, когда застанут их двоих под одной мантией; третье, когда увидят мужчину между бедер женщины", ср. также *Syfn. 127. 7–11*. Это и подобные расхождения в текстах триад, представленных в различных редакциях средневековых валлийских законов, еще раз указывает на возможность их существования в устной форме в период, предшествующий записи отдельных редакций.

Можно предположить, что в эпоху валлийского "предправа" юридические максимы

существовали, в той или иной степени, именно в форме триад; тем самым идея о связи между вербальной (и мнемотехнической) организацией ранневаллийского художественного текста и текстов средневековых валлийских законов находит дополнительное подтверждение

О связях поэтического языка и языка средневаллийских юридических трактатов говорит и наличие в них собственно формул (в терминах Р. Шмитта) К сожалению, этот аспект еще недостаточно изучен, на что, впрочем, существует резонное объяснение Так, для раннего ирландского стихосложения было установлено, что "трудность, с которой неизбежно сталкивается всякий, кто пытается отыскать формулы в ирландской поэзии, – это очень сложная и малоизученная метрика Поэтическая формула существует в (и для) определенной позиции в стихе, взаимодействуя с ней Доклассическая древнеирландская метрика, вероятно, была неустойчивой и допускала значительные отклонения" [Калыгин 1986: 12], см. также [Калыгин 1991: 48–55] Попытки комплексного анализа формульности ранней валлийской поэзии появляются только в последнее время, и говорить, таким образом, об установлении инвентаря кельтских поэтических формул пока не приходится С другой стороны, эта сторона языка валлийских законов также недостаточно изучена, существует лишь несколько успешных попыток на основании изучения средневековых валлийских юридических формул выйти за рамки собственно валлийского языка, ср анализ валл *haiu brawd*, предложенный Э Хэмпом [Hamp 1976: 68–75]

Таким образом, язык средневекового валлийского права, несмотря на его позднюю кодификацию, остается важнейшим источником для общекельтской реконструкции В сочетании с соответствующими данными ирландских юридических трактатов, сведения, почерпнутые из так называемых "Законов Хауэла", могут и должны быть использованы как для филологических, так и для исторических построений При этом необходимо отметить важность кельтских данных не только для установления ареальных изоглосс (в частности, кельто-германских), но и в связи с маргинальностью этой группы языков, и индоевропейской реконструкции в целом

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист Э 1995 – Словарь индоевропейских социальных терминов М, 1995
Гамкрелидзе Т В, Иванов Вяч Вс 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы Реконструкция и историко-типологический анализ языка и протокультуры Тбилиси, 1984
Гроссе Р 1963 – Об изучении языка немецких правовых памятников эпохи позднего средневековья // Проблемы морфологического строя германских языков М 1963
Десницкая А В 1982 – О синтаксических особенностях кодекса обычного права североалбанских горцев // Синтаксические особенности литературных языков на ранних этапах их формирования Л, 1982
Иванов Вяч Вс, Топоров В Н 1978 – О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание VIII Международный съезд славистов Доклады советской делегации М, 1978
Иванов Вяч Вс, Топоров В Н 1981 – Древнее славянское право архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей М, 1981
Калыгин В П 1986 – Язык древнейшей ирландской поэзии М, 1986
Калыгин В П 1991 – Проблемы реконструкции индоевропейского поэтического языка // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей Лексическая реконструкция исчезнувших языков М, 1991
Калыгин В П, Королев А А 1989 – Введение в кельтскую филологию М, 1989
Порциг В 1964 – Членение индоевропейской языковой области М, 1964
Филиппов А И 1998 – Кельтский комментарий к одному латинскому архаизму // Индоевропейское языкознание и классическая филология СПб, 1998
ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков Праславянский лексический фонд / Под ред О Н Трубачева Вып 5 М, 1978

- Binchy D* 1956 – Some Celtic legal terms // *Celtica* 1956 V 3
- Binchy D* 1959 – Linguistic and legal archaisms in the Celtic law books // *Transactions of the Philological Society* 1959
- Binchy D* 1973 – Distrant in Irish law // *Celtica* 1973 V 10
- Bleg* = *cm* Williams, Powell 1961
- Bromwich R* 1978 – *Trioedd Ynys Prydein* Cardiff, 1978
- Campanile E* 1974 – *Profilo etimologico del cornico antico* Pacini, Pisa, 1974
- Chantraine P* 1977 – *Dictionnaire etymologique de la langue grecque* Paris, 1977
- Edwards I G* 1963 – Studies in the Welsh law since 1928 // *The Welsh history review* Special Number 1963
- Evans D S* 1970 – *A Grammar of Middle Welsh* Dublin, 1970
- Fahlevey A* 1998 – Father of muse and son of inspiration // *Studia Celtica* 1998 V 32
- Fahlevey A Isaac G* 1998 – Welsh *cahl* ‘calumny, blame, blasphemy’ // *Indogermanische Forschungen* 1998 V 103
- Fleuriot L* 1964 – *Dictionnaire des gloses en vieux breton* Paris, 1964
- GPC* – *Geiriadur Prifysgol Cymru* Caerdydd, 1950–
- Hamp E* 1974 – *Varia* // *Eriu* 1974 V 25
- Hamp E* 1976 – *Barnu brawd* // *Celtica* 1976 V 11
- IEW* – *Pokorny J* *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* Bern 1959
- Ior* = *cm* Wilham 1960
- Jenkins D Owen M (eds)* 1980 – *The Welsh law of women* Cardiff, 1980
- Jenkins D* 1981 – The Medieval Welsh idea of law // *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis* 1981 V 49
- Jenkins D* 1990 – *The Law of Hywel Dda* Llandysul, 1990
- Jenkins D* 1997 – A hundred years of Cyfraith Hywel // *Zeitschrift für celtische Philologie* 1997 V 49/50
- Kelly F* 1988 – *A guide to Early Irish law* Dublin, 1988
- LEIA* – *Vendryes J* (Bachelery E, Lambert P Y) *Lexique étymologique de l'irlandais ancien* Dublin, Paris, 1959–
- Owen A* 1841 – *Ancient laws and institutes of wales* London, 1841
- Parry-Williams T H* 1928 – The language of the laws of Hywel Dda // *Aberystwyth Studies* 1928 V 10
- Schrijver P* 1996 – *Olr gor* ‘pious, dutiful’ meaning and etymology // *Eriu* 1996 V 48
- Wade-Evans A W* 1909 – *Welsh Medieval law* Oxford, 1909
- Watkins C* 1979 – *Is tie fu fflathemon* Marginalia to Audacht Morainn // *Eriu* 1979 V 30
- Wilham A R* 1960 – *Llyfr Iorwerth* Cardiff, 1960
- Williams S I Powell I E* 1961 – *Cyfreithiau Hywel Dda yn ol Llyfr Blegywryd* Caerdydd, 1961